

**РОССИЙСКИЕ И БЕЛОРУССКИЕ
ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ПИСАТЕЛЬСКИЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Л.Л. ШЕСТАКОВА

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

<https://orcid.org/0000-0001-9585-9472>

lara.shestakova@mail.ru

В.К. ЩЕРБИН

Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси

(Минск, Беларусь)

<https://orcid.org/0000-0002-6217-1265>

shcherbin5353@mail.ru

В статье рассматривается проблема сравнительного изучения особенностей индивидуально-авторских картин мира российских и белорусских писателей на материале персональных писательских энциклопедий. Определяется состав российского и белорусского корпусов энциклопедий этого типа, выявляются основные различия между ними. Анализируются наиболее сравнимые по разным параметрам издания: «Лермонтовская энциклопедия» (1981) и «Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік» (1986), а также значимые для характеристики авторских картин мира словарные статьи из выбранных изданий, посвященные произведениям двух национальных поэтов.

Ключевые слова: индивидуально-авторский мир писателя, словарь языка писателя (авторский словарь), персональная писательская энциклопедия, сравнительная писательская энциклопедистика

**RUSSIAN AND BELARUSIAN
PERSONAL WRITERS ENCYCLOPEDIAS:
A COMPARATIVE ASPECT**

L. SHESTAKOVA

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

V. SHCHERBIN

Center for System Analysis and Strategic Research at the National Academy
of Sciences of Belarus

(Minsk, Belarus)

The paper deals with the problem of comparative study of the features of individual authors world-pictures of Russian and Belarusian writers on the material of personal writers encyclopedias. The composition of the Russian and Belarusian encyclopedias of this type is determined, the main differences between them are revealed. The most comparable publications

in different parameters are analyzed: «Lermontov Encyclopedia» (1981) and «Yanka Kupala: Encyclopedic Reference Book» (1986), as well as dictionary entries from these publications that are significant for the characteristics of individual authors world-pictures.

Keywords: individual writer's world, author's (writer's) dictionary, personal writer's encyclopedia, comparative writers encyclopedistics

I. Введение

Сравнительное изучение российских и белорусских персональных писательских энциклопедий (далее — ППЭ) является продолжением исследований, которые мы в течение ряда лет проводили в области сравнительной авторской (или писательской) лексикографии — см., к примеру, наш раздел «“Словарь языка Пушкина” и “Слоўнік мовы Янкі Купалы”: опыт сравнительного анализа» в коллективной монографии «Лексикология и лексикография славянских языков» (Шестакова, Щербин 2017: 151–185).

Спецификой нового исследования является перенесение основного акцента с изучения словарного представления языковых особенностей русскоязычных и белорусскоязычных художественных текстов на анализ отраженных в соответствующих ППЭ онтологических особенностей индивидуально-авторских (индивидуально-художественных) картин мира российских и белорусских писателей. При этом лингвистический, словарный компонент сохраняется, но становится частью более общего, интегрального, толково-энциклопедического описания сравниваемых авторских идиолектов.

Уточним, что терминосочетание «персональная писательская энциклопедия» выбрано нами с учетом существующих терминов («персональная энциклопедия», «литературная персональная энциклопедия», «частная литературная энциклопедия», «писательская энциклопедия», «персональная писательская энциклопедия», «персональный писательский справочник» и др.) как соответствующее основному объекту исследования в данной работе. Под ППЭ понимаются и собственно писательские энциклопедии (в том числе краткие), и писательские энциклопедические словари и справочники.

Чем был вызван обозначенный методологический поворот от изучения словарей языка писателей к исследованию ППЭ?

В ответе на этот вопрос можно отталкиваться от размышлений Ю.Н. Караулова как одного из идеологов «Словаря языка Достоевского». Еще в 1990-е гг., на раннем этапе подготовки словаря, Ю.Н. Караулов справедливо замечал, что «сегодня невозможно делать словарь писателя, не обращаясь к его индивидуальному авторскому миру. Раскрытие мира Ф.М. Достоевского предполагает обращение к литературному процессу, проблемно-тематическое, художественно-образное, философско-историческое раскрытие содержания его произведений. Подобного рода задачи может решать и решает литературоведение, которое, соответственно, в последнюю очередь интересуется языком писателя. И если лингвист-лексикограф <...>, описывая в словаре лексические единицы разбитого на слова текста,

склонен “отделять” язык от художественного создания, то литературоведение в своем анализе хочет отделить то, чем на самом деле является произведение литературы, от языковых средств его выражения и от его непосредственного текстового воплощения.

Противоречие в подходах к тексту между позицией словарника и позицией аналитика литературы кажется неразрешимым: или погружение в мир Достоевского с минимальной оглядкой на язык его произведений, или “микроскопический” анализ и фиксация каждого слова и словоупотребления в словаре, но без видения широких горизонтов его творчества в целом. Тем не менее, общность и универсальность филологического знания толкает нас к тому, чтобы не соглашаться с такой дилеммой. Как же можно преодолеть ограниченность словарного подхода, не отказываясь от высоко отточенной лексикографической техники и выработанных ею эффективных формализмов, и в то же время выполнить “сверхзадачу” — с теми именно средствами, которыми располагает лексикограф, добиться более глубокого проникновения в художественный мир писателя, нового раскрытия этого мира для сегодняшнего читателя?» (Караулов 1994: 16).

Выход из этого положения Ю.Н. Караулов видел «в соединении двух идей: идеи словарного представления языковой личности писателя и идеи нелинейного представления его произведений в виде гипертекстов» (Там же). Соединение названных идей можно наблюдать в издаваемых томах «Идиоглоссария» Достоевского. В основе этого словаря лежит, напомним, понятие идиоглоссы как единицы, которая отражает элементы картины мира Достоевского и одновременно несет на себе печать его идиостиля¹.

Не отрицая новизны и продуктивности этих идей Ю.Н. Караулова, безусловной научной ценности «Словаря языка Достоевского», мы полагаем, что в поисках путей для описания индивидуально-авторского мира писателя важно учитывать и потенциал, форматный и когнитивный, таких изданий, как персональные писательские энциклопедии. В составлении энциклопедий подобного типа, аккумулирующих в себе большие массивы разнотипных знаний, участвуют литературоведы, лингвисты (в том числе лексикографы), представители других наук, и не только гуманитарных.

II. От словарного формата представления языка писателя — к энциклопедическому формату отражения его художественного мира

В пользу формата ППЭ для описания, исследования индивидуально-художественного мира автора говорят и утверждения, справедливость которых едва

¹ При акцентированной создателями Словаря Достоевского лингвистичности идиоглоссы — двойственный — мирообразующий и стилеобразующий — характер неоднократно ими подчеркивается. Ср.: «Описанию в Словаре подлежат только те слова <...>, которые являются важными для его [Достоевского] творчества, играют главную роль в числе используемых им изобразительных средств, несут ключевые идеи его миропонимания, характеризуют неповторимый идиостиль автора. Такие слова мы называем идиоглоссами» (Словарь Достоевского 2001, I: XIV); идиоглоссы — это, «во-первых, суть отражение главных мирообразующих, мирформирующих идей автора, и, во-вторых, <...> они служат концентрированным выражением специфики языка и стиля» (Там же: XXXVI).

ли будет кем-то оспариваться: во-первых, между словарем и энциклопедией отсутствуют непреодолимые барьеры (это доказано историей зарубежной лексикографии, подтверждается тенденциями развития современной российской лексикографии²), соответственно, таких барьеров нет между авторским (писательским) словарем и писательской энциклопедией; во-вторых, совмещение словарных и энциклопедических практик способствует интеграции семантического и прагматического знаний, что создает основу для более глубокого постижения художественного мира изучаемого автора. Ср. такое утверждение: «Понимание достигается объединенным применением семантического и прагматического знаний. Значение слова или высказывания представлено как составная часть памяти, точно так же, как и другие знания. <...> Иначе говоря, лексикон тесно связан с прочими нашими знаниями и неотделим от них» (Шенк, Бирнбаум, Мей 1989: 33–34).

Необходимость совмещения словарного и энциклопедического форматов при описании реального мира Р. Барт обосновывал следующим образом: «Мы собрали слова, дали им дефиниции — получается словарь. Мы собрали вещи (разумеется, обладающие именами), дали им описание — получается энциклопедия. Иногда, как в настоящем словаре [в «Словаре Ашетт». — *Л. Ш., В. Ш.*], обе операции сочетаются вместе, получается словарь слов и вещей, энциклопедический словарь. Хотя взаимодополнительность обеих операций — нормативной (определить употребление слов) и дескриптивной (описать особенности вещей) — ощущалась у нас уже начиная с XVII века, подобных словарей-энциклопедий как будто немного. Это довольно парадоксальный факт: ведь на самом деле — и здесь открывается сложнейший философский спор — каждое слово влечет за собой вещь или целое скопище вещей, но также и каждая вещь может существовать для людей лишь будучи покрыта, освящена, признана некоторым словом. Слова отсылают к вещам? Да, но одновременно также и к другим словам. Поэтому разделение слов и вещей как двух обособленных и иерархически соотносенных уровней является историческим явлением, что показал М. Фуко. Это разделение означает, что мы встаем на позицию реализма, который признает вещь в себе, вне говорящего о ней субъекта, а из слова делает простой инструмент коммуникации <...>. Со времен победы реализма мы полагаем, что, с одной стороны, говорим, а с другой — изготавливаем вещи; с одной стороны, что-то произносим, украшаем и идеализируем, а с другой — что-то строим, производим, продаем, присваиваем; по одну сторону — искусство (слова), по другую — наука (факты)» (Барт 2003: 501).

² Повышается значимость энциклопедических сведений в толковых словарях русского языка, как общих, так и авторских. См., например, в «Большом толковом словаре русского языка» специальный параграф «Принципы отбора и размещения энциклопедической информации» в разделе «Общие сведения о словаре и структуре словарных статей» (БТС: 19). Из авторских словарей назовем недавнее издание — «Словарь языка И.С. Тургенева», в предисловии к которому отмечается: «Словарь составлен по классической схеме лингвистического словаря с элементами словаря энциклопедического» (Елистратов 2018: 5). Добавим, что тип объяснительных авторских словарей представлен не только жанрами глоссария, толкового словаря, но и словаря толково-энциклопедического (Шестакова 2011: 56).

Надо сказать, что у нас еще в советские годы был сделан шаг в направлении интегрированного изучения словарей и энциклопедий, в частности, была опубликована монография А.И. Киселевского «Языки и метаязыки энциклопедий и толковых словарей» (Минск, 1977). А в настоящее время российский философ Т.В. Артемьева ставит знак равенства между словарем и энциклопедией, обосновывая вывод о том, что «энциклопедический и словарный жанры — жанры научные» (цит. по: (Мануильский 2016: 79)).

Примечательно, что уже стала привычной практика «заимствования», когда отдельные статьи из глоссариев, толковых, частотных и иных словарей включаются в том или ином виде в состав энциклопедий. В качестве примеров можно назвать словарные статьи заголовочных слов *Aragog (Aragog)*, *Boggart (Boggart)*, *Boomslang (Boomslang)*, *Dementors (Dementors)*, *Unicorn (Unicorn)*, *Centaur (Centaur)*, *Runes (Runes)*, *Salamander (Salamander)*, *Sphinx (Sphinx)*, *Phoenix (Phoenix)*, *Halloween (Halloween)*, *Poisons (Poisons)* из «Glossary of Muggle Science, Potter Magic, Oddments and Tweaks» (словарного приложения к научно-популярной книге Роджера Хайфилда «The Science of Harry Potter» (New York, 2002)), которые с небольшими смысловыми изменениями, возникшими в процессе их перевода на русский язык, вошли в состав научно-популярной «Энциклопедии магии и волшебства в книгах Джоан Роулинг» (М., 2003), составленной М.К. Залесской.

Порой материалы того или иного словаря включаются в состав ППЭ в полном объеме. Ср.: «К Лермонтовской Энциклопедии Издательство сочло полезным присоединить материалы Словаря языка Лермонтова, включающие словарь рифм и частотный словарь языка поэта. <...> По мнению Издательства, словарь, дополняя материалы Лермонтовской энциклопедии по поэтике и стиховедению, увеличивает справочную ценность издания» (К читателю 1981: 7). Словарные разделы находим и в современных ППЭ, таких как «Творчество В.М. Шукшина. Энциклопедический словарь-справочник» (в него включен фразеологический словарь языка писателя), «Бажовская энциклопедия» (здесь представлен словарь устаревшей и диалектной лексики сказов П.П. Бажова), «А.Н. Островский. Энциклопедия» (содержит частотный словарь). В создаваемую сейчас энциклопедию «Н.Ф. Федоров», посвященную русскому философу-космисту, также будут включены алфавитно-частотный и частотный словари. Эти примеры свидетельствуют не просто об увеличении справочной ценности ППЭ за счет лингвистической (словарной) составляющей, но о важности и необходимости ее для получения объективных результатов при исследовании разных сторон творчества писателя, изучения его художественного мира.

Чтобы расставить все точки над *i* в вопросах взаимодействия словарей и энциклопедий, приведем слова российского лексикографа, историка науки Г.А. Богатовой об общих задачах и различиях между филологической и энциклопедической лексикографиями как совокупностями справочных изданий указанных типов: «Филологическая лексикография идет от названия реалии, т.е. от слова, фиксируя разнообразие значений слова в зависимости от места или времени употребления,

или от вхождения в разные тематические группировки. Энциклопедическая лексикография строится на такой основе, как понятие или описание реалии. Та и другая лексикографии вместе дают картину истории духовной и материальной жизни общества» (Богатова 2011: 539).

В современной авторской лексикографии интегративный, толково-энциклопедический характер нередко носят «пояснительные словари» к отдельным художественным произведениям. В качестве наиболее показательных примеров можно назвать «пояснительные словари» к широко известному роману Умберто Эко «Маятник Фуко». Один из словарей опубликован итальянскими филологами Л. Бауко и Ф. Милокки в 1989 г., а второй — российскими исследователями О. Логош и В. Петровым в 2002 г. В аннотации к словарю Логош и Петрова указывается, что он адресован всем, кто хочет узнать «немного больше о лицах, реалиях и событиях, упомянутых на страницах романа Умберто Эко». А сами составители, в частности, признаются, что они «намеревались создать не расширенный комментарий к роману (как у Бауко и Милокки), а своего рода мини-энциклопедию, которую можно было бы использовать и вне связи с “Маятником”, прежде всего — как своеобразный справочник по истории западной эзотерики» (Логош, Петров 2002: 6).

Сейчас в нашем распоряжении есть солидные энциклопедические издания «поясняющего характера» к отдельным произведениям русской литературы. Это, например, энциклопедии к «Слову о полку Игореве»:

М.Г. Булахов. «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: Краткий энциклопедический словарь. Минск, 1988.

Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. / Отв. ред. О.В. Творогов. СПб., 1995.

Более сложными изданиями по своей макро- и микроструктуре являются, очевидно, полиаспектные ППЭ. Жанр персональной энциклопедии (не только писательской) широко распространен за рубежом³. В России идея создания таких трудов обсуждалась, на материале будущей энциклопедии, посвященной М.Ю. Лермонтову, в конце 1950-х — начале 60-х гг., но стала реализовываться в 70-х гг., и в 1981 г. вышла «Лермонтовская энциклопедия» — первая персональная энциклопедия о русском классике⁴.

Безусловный интерес представляет анализ национальных персональных писательских энциклопедий — с точки зрения их макро- и микроструктуры, жанровой вариативности, выбора описываемых авторов и т. д., однако не менее интересен сравнительный анализ разнонациональных ППЭ. В аспекте познания художественной картины мира он позволяет выявить и а) общечеловеческие,

³ Можно в качестве примеров привести изданные в XXI в. ППЭ, посвященные английским авторам: (Shakespeare's World 2001; Kirstin 2002; Rogers 2006; Day 2019). Ср. и переведенную на русский язык энциклопедию (Уэллс 2002).

⁴ Это издание вызвало много откликов, некоторые из них, например, (Мейлах 1982), и сегодня не потеряли своей актуальности.

и б) национальные, и в) индивидуально-авторские представления о мире (о системе реалий, артефактов, моральных ценностей и т. д.), зафиксированные в произведениях писателей, которые принадлежат разным нациям и народам, являются носителями разных языков.

Выбирая для сравнительного анализа российские и белорусские персональные писательские энциклопедии, мы предполагали пройти несколько этапов и решить, соответственно, несколько задач:

- провести сбор материала и составить два корпуса ППЭ: российский и белорусский;
- проанализировать каждый корпус энциклопедий по ряду общих параметров (структура, полнота/неполнота содержания, типы словарных статей и др.), классифицировать ППЭ обоих корпусов и сравнить эти результаты;
- выявить, если это возможно, модель, типичный образец ППЭ, соотнести с ним имеющиеся издания данного типа;
- выбрать конкретные российские и белорусские ППЭ для сравнительного исследования и провести такое исследование.

Сразу отметим, что в данной статье представлены результаты работы, соотносимые с каждым из названных этапов. Относительно последнего этапа важно уточнить, что нами решена задача выбора для сравнительного исследования двух национальных персональных писательских энциклопедий, определены типологически однородные и количественно сравнимые совокупности энциклопедических статей, а также проведен опыт сравнения статей с выходом на особенности индивидуально-художественных картин мира выбранных авторов.

III. Российский и белорусский корпуса ППЭ

Анализируемые нами российский и белорусский энциклопедические корпуса в совокупности включают около пяти десятков ППЭ (учитывая переиздания). Большую часть из них составляют российские ППЭ — 40 энциклопедических изданий разных жанров, меньшую часть образуют белорусские ППЭ — 4 энциклопедии и расширенные переиздания двух из них, посвященных Я. Купале и Ф. Скорине, всего 7 изданий.

Приведем далее по хронологии примеры российских и белорусских ППЭ с их кратким библиографическим описанием. Подчеркнем, что включение этих изданий не в раздел «Литература», а в сам текст данной статьи носит намеренный характер. Оно обусловлено тем, что далее предлагается классификационное деление ППЭ, которое без предварительного эксплицитного представления писательских энциклопедий потеряло бы свою наглядность. Отметим и важность хронологического принципа в организации списков изданий, составляющих содержание российского и белорусского корпусов ППЭ. Этот принцип позволяет увидеть динамику развития писательской энциклопедистики (прежде всего российской): активизацию работы над ППЭ с середины 1990-х гг. и укрепление этой тенденции

в 2000-х гг., а также заметное расширение, со временем, состава авторов, жизнь и творчество которых стали объектом описания ППЭ (в число таких авторов входят и зарубежные писатели). О современных литературных персональных энциклопедиях, о перспективах их развития см. (Малофеева 2002), также (Шестакова 2011: 230).

К сказанному необходимо сделать еще одно добавление. В процессе составления двух корпусов ППЭ нами было принято решение включить в них также энциклопедии, посвященные отдельным философам, и тем самым расширить понятие «персональная писательская энциклопедия». С одной стороны, мы отталкивались от расширительной трактовки понятия «писательская лексикография» (в этом случае оно приравнивается к определению «авторская лексикография»), с другой, учитывали, что созданные и создаваемые энциклопедии по творчеству отдельных философов во многом ориентируются на писательские энциклопедии. Немаловажно и то, что философы нередко предстают в двух ипостасях — собственно философской и писательской.

1. Российские ППЭ

Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. Москва, 1981; 2-е изд. Москва, 1999.

Краткая Ахматовская энциклопедия: От А до Я. Тысяча слов — кратких справок / Сост. С.Д. Умников. Ленинград, 1991.

Булгаков. Энциклопедия / Сост. Б. Соколов. Москва, 1996; 2-е изд. Москва, 2007.

Энциклопедический мир Владимира Даля: в 2-х т. (Птицы) / Сост. М.А. Надель-Червинская, П.П. Червинский. Москва, 1996.

Оренбургская пушкинская энциклопедия: Путешествие — 1833. Реалии «Истории Пугачева». Прототипы «Капитанской дочки». Исследователи и интерпретаторы / Сост. Л.Н. Большаков. Оренбург, 1997.

Оренбургская толстовская энциклопедия: Материалы. Поиски. Исследования. Хроника / Сост. Л.Н. Большаков. Оренбург, 1997.

Оренбургская шевченковская энциклопедия: Тюрьма. Солдатчина. Ссылка. Энциклопедия одиннадцати лет, 1847—1858 / Сост. Л.Н. Большаков. Оренбург, 1997.

А.С. Пушкин: Школьный энциклопедический словарь / Сост. В.Я. Коровина, В.И. Коровин. Ред. В.И. Коровин. Москва, 1999.

Ломоносов: Краткий энциклопедический словарь / Сост. Э.П. Карпеев. Санкт-Петербург, 1999.

Миры братьев Стругацких: Энциклопедия в 2-х т. / Под общ. ред. В. Борисова. Москва; Санкт-Петербург, 1999.

Онегинская энциклопедия: в 2-х т. / Под общ. ред. Н.И. Михайловой. Москва, 1999, 2004.

Пушкинская энциклопедия. 1799—1999. Москва, 1999.

Толкин и его мир: Энциклопедия / Сост. К.М. Королев. Москва; Санкт-Петербург, 2000.

Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь / Сост. С.В. Белов. Санкт-Петербург, 2001.

Гоголь. Энциклопедия / Сост. Б.В. Соколов. Москва, 2003.

Достоевский. Энциклопедия / Сост. Н.Н. Наседкин. Москва, 2003.

Пушкинская энциклопедия «Михайловское»: в 3-х т. Москва, 2003.

Энциклопедия магии и волшебства в книгах Джоан Роулинг / Сост. М.К. Залеская. Москва, 2003.

Александр Трифонович Твардовский. Энциклопедия. Рабочие материалы / Гл. ред. Г.С. Меркин. Смоленск, 2004.

Все герои А.П. Чехова — вся Россия. Полный каталог из 2335 имен, составленный по произведениям великого русского писателя / Сост. Марина Ткаченко. Москва, 2004.

Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст / Ред. Л.В. Полякова. Тамбов; Елец, 2004.

Пушкин и мировая литература. Материалы к пушкинской энциклопедии. Санкт-Петербург, 2004.

Творчество В.М. Шукшина. Энциклопедический словарь-справочник: в 3-х т. Барнаул, 2005—2007.

Бажовская энциклопедия / Ред.-сост. В.В. Блажес, М.А. Литовская. Екатеринбург, 2007.

Грибоедов. Энциклопедия / Сост. С.А. Фомичев. Санкт-Петербург, 2007.

Шекспир. Энциклопедия / Сост. В.Д. Николаев. Москва, 2007.

Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А.Н. Николукин. Москва, 2008.

Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1—3. Санкт-Петербург, 2009—2017.

Большая энциклопедия. Чеховская энциклопедия. Москва, 2009.

А.П. Чехов. Энциклопедия / Сост. и науч. ред. В.Б. Катаев. Москва, 2011.

Михаил Александрович Шолохов. Энциклопедия / Сост. В.В. Петелин. Москва, 2011.

А.Н. Островский. Энциклопедия / Гл. ред. И.А. Овчинина. Кострома; Шуя, 2012.

Шолоховская энциклопедия / Гл. ред. Ю.А. Дворяшин. Москва, 2012.

М.Ю. Лермонтов: Энциклопедический словарь / Гл. ред. И.А. Киселёва. Москва, 2014.

Булгаковская энциклопедия: самое полное издание / Сост. Б.В. Соколов. Москва, 2016.

Все произведения В.П. Астафьева (первый период творчества 1951—1969): энциклопедический словарь-справочник / Ред. Л.Г. Самотик, Т.Н. Садырина. Красноярск, 2017.

Мандельштамовская энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. Москва, 2017.

Н.Ф. Федоров. Энциклопедия с онлайн-версией: <http://enc-nffedorov.ru/wiki/>⁵.

2. Белорусские ППЭ

Янка Купала: Энциклапедычны даведнік / Гал. рэд. І.П. Шамякін. Мінск, 1986.

Францыск Скарына і яго час: Энциклапедычны даведнік / Гал. рэд. І.П. Шамякін. Мінск, 1988.

Франциск Скорина и его время: Энциклопедический справочник / Гл. ред. И.П. Шамякин. Мінск, 1990.

Максім Багдановіч: энцыклапедыя / Склад І.У. Саламевіч, М.В. Трус / Гл. ред. Т.У. Бялова. Мінск, 2011.

Францыск Скарына: энцыклапедыя / Гал. рэд. У.У. Андрыевіч. Мінск, 2017.

Янка Купала: энцыклапедыя: у 3-х т. / Гал. рэд. У.У. Андрыевіч. Мінск, 2017–2018.

Уладзімір Караткевіч: энцыклапедыя / Гал. рэд. В.У. Ванина. Мінск, 2020.

IV. Сравнительный анализ российских и белорусских ППЭ⁶

Анализ двух групп ППЭ показал, что **российские энциклопедические издания** неоднородны, разнотипны и отличаются друг от друга, прежде всего, по признаку полноты представления всевозможных знаний о жизни и деятельности изучаемого автора. Среди российских ППЭ выделяются два типа изданий:

1) полные, универсальные ППЭ, затрагивающие практически все стороны жизни и творчества автора; они содержат большой массив словарных статей разных типов;

2) неполные, специализированные ППЭ, ориентированные на подачу литературных материалов определенного содержания; издания этого типа представлены рядом энциклопедических жанров.

⁵ Работа над этой энциклопедией еще не завершена. Проект предполагает создание первой научной энциклопедии, посвященной выдающемуся российскому мыслителю, философу-космисту Николаю Федоровичу Федорову (1829–1903). В проекте, возглавляемом А.Г. Гачевой, принимают участие А.Н. Акиншин, В.В. Варава, А. Оносов, С.Т. Петров, Е.М. Титаренко, Дж.М. Янг и др., в том числе лингвисты Н.В. Козловская и Л.Л. Шестакова. Энциклопедия представит основные достижения федороведения XX–XXI вв. в России и за рубежом, даст целостный свод знаний о философе, станет путеводителем по его творческому наследию. Уже подготовленные материалы (в том числе словарные) представлены на сайте Энциклопедии.

⁶ Сравнительный анализ разнонациональных ППЭ не предполагает их всесторонней оценки, выявления достоинств и недостатков. Оценочный аспект в отношении российских ППЭ присутствует, например, в работе (Малофеева 2002).

Особенно наглядно деление на универсальные и специализированные ППЭ просматривается на материале **пушкинской энциклопедистики**. В ее рамках тип **универсальной ППЭ** представлен изданием:

Пушкинская энциклопедия. 1799–1999. 1999⁷.

Тип **неполной пушкинской ППЭ** реализован в разных жанрах. Это:

- **регионально-краеведческий жанр пушкинских ППЭ:**

Оренбургская пушкинская энциклопедия: Путешествие — 1833. Реалии «Истории Пугачева». Прототипы «Капитанской дочери». Исследователи и интерпретаторы. 1997.

Пушкинская энциклопедия «Михайловское»: в 3-х т. 2003.

- **жанр пушкинских ППЭ, ориентированных на подачу информации о литературных произведениях А.С. Пушкина:**

Онегинская энциклопедия: в 2-х т. 1999, 2004.

Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1–3. 2009–2017.

- **жанр учебных пушкинских ППЭ:**

А.С. Пушкин: Школьный энциклопедический словарь. 1999.

Представленность отмеченных выше жанров ППЭ в российской писательской энциклопедистике подтверждается материалами не только пушкинских ППЭ, но и материалами ППЭ других российских и зарубежных авторов. Так, к **регионально-краеведческому жанру ППЭ** (белорусский исследователь Н.В. Трус называет ППЭ, относящиеся к данному жанру, «персонально-региональными литературными энциклопедиями» (Трус 2012: 144)), помимо двух указанных выше пушкинских ППЭ, относятся также следующие энциклопедические издания:

Оренбургская толстовская энциклопедия: Материалы. Поиски. Исследования. Хроника. 1997.

Оренбургская шевченковская энциклопедия: Тюрма. Солдатчина. Ссылка. Энциклопедия одиннадцати лет, 1847–1858. 1997.

Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст. 2004.

К **жанру ППЭ, ориентированных на подачу информации о литературных произведениях изучаемого автора**, кроме двух названных выше пушкинских энциклопедий, относятся также издания:

Творчество В.М. Шукшина. Энциклопедический словарь-справочник: в 3-х т. 2005–2007.

Все произведения В.П. Астафьева (первый период творчества 1951–1969): энциклопедический словарь-справочник. 2017.

Ср. энциклопедии, подготовленные отечественными специалистами к произведениям зарубежных авторов:

Толкин и его мир: Энциклопедия. 2000.

Энциклопедия магия и волшебства в книгах Джоан Роулинг. 2003.

⁷ Примеры изданий взяты в основном из приведенного выше списка, даются, для краткости, с указанием названия энциклопедии, количества томов (при наличии) и года публикации.

К **российским ППЭ универсального типа**, помимо указанной выше пушкинской ППЭ, относятся многие из приведенных ранее изданий — от Лермонтовской энциклопедии 1981 г. до Мандельштамовской 2017 г.

Кроме жанров неполных ППЭ, выделенных на материале пушкинской энциклопедистики, можно отметить и другие жанры, выделенные на материале ППЭ иных российских авторов. В частности, к **жанру ППЭ, ориентированных на подачу информации о персоналиях**, можно отнести издание:

Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь. 2001.

К **жанру ППЭ, описывающих героев (персонажей) автора**, относится издание:

Все герои А.П. Чехова — вся Россия. Полный каталог из 2335 имен, составленный по произведениям великого русского писателя / Сост. Марина Ткаченко. 2004.

Ср. также:

Накамура Кэнноске. Словарь персонажей произведений Ф.М. Достоевского. 2011.

Жанр **кратких энциклопедических изданий** представлен книгами:

Краткая Ахматовская энциклопедия: От А до Я. 1991.

Ломоносов: Краткий энциклопедический словарь. 1999.

М.Ю. Лермонтов: Энциклопедический словарь. 2014.

Необходимо сказать и о неполных ППЭ, выделяющихся в общем массиве таких изданий своим объектом описания, целевым назначением и т. д. Например, в двухтомной энциклопедии «Миры братьев Стругацких» (1999), носящей характер комментария к произведениям писателей-фантастов, представлен свод терминов, а также имен персонажей, географических, астрономических и других названий (реальных и вымышленных). А книга «Энциклопедический мир Владимира Даля» (1996) являет собой серию тематических выпусков словарных материалов, подобранных в определенном порядке. Цель выпусков — познакомить читателя с языковым и культурным слоем русской национальной традиции, отраженной в «Толковом словаре живого великорусского языка» и «Пословицах русского народа» В. Даля. Во втором случае, как видно, материалы классического толкового словаря послужили отправной точкой для создания энциклопедии. В целом же российские ППЭ характеризуются, как видно, заметным многообразием.

По вполне понятным причинам (в их числе: мировой уровень многих произведений российской классической и современной литературы и соответствующий ему масштаб энциклопедического описания творчества российских писателей и представителей мировой литературы при средневропейском уровне многих произведений современной белорусской литературы и достаточно скромном масштабе ведущихся в Белоруссии исследований по созданию ППЭ) отмеченного выше жанрового разнообразия российских ППЭ не наблюдается в **белорусской писательской энциклопедистике**. В ней представлены только ППЭ полного, универсального типа и ППЭ краткого типа (4 названия), а также их переиздания (3 названия). Между собой белорусские ППЭ в основном различаются степенью

разработанности типологического репертуара статей. К числу наиболее разработанных, а потому и наиболее полных белорусских ППЭ относятся два издания энциклопедии Я. Купалы и три переиздания (два на белорусском языке и одно на русском) энциклопедии Ф. Скорины.

V. Некоторые результаты сравнительного анализа российских и белорусских ППЭ

Поскольку корпус российских персональных писательских энциклопедий (и по количеству входящих в него ППЭ, и по количеству представляемых ими жанров ППЭ) в разы превосходит корпус белорусских, то, чтобы сделать сравнительный анализ российских и белорусских ППЭ корректным в сопоставительно-типологическом отношении, необходимо выбрать из двух корпусов ППЭ их наиболее сопоставимые части: во-первых, наиболее сравнимые по объему, типу и другим параметрам отдельные российские и белорусские ППЭ, во-вторых, типологически однородные и количественно сравнимые совокупности энциклопедических статей из отдельных российских и белорусских ППЭ.

Что касается наиболее сравнимых по макроструктурным параметрам отдельных российских и белорусских ППЭ, то на данную роль, полагаем, более всего подходят «Лермонтовская энциклопедия» (1981) и «Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік» (1986). Как показывает общий анализ выбранных ППЭ, именно Лермонтовская энциклопедия, получившая к настоящему времени статус классической, послужила моделью, образцом для создания ряда аналогичных трудов не только в российской, но и в белорусской энциклопедистике, и конкретно названного справочника по творчеству Я. Купалы — первой в Белоруссии персональной энциклопедии. Макроструктурная основа двух ППЭ может быть признана единой. В Лермонтовской энциклопедии центральную часть составляют разделы: Алфавитная словарная часть энциклопедии (т.е. свод словарных статей, с. 23–643), Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова (с. 644–654), Основная литература о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова (с. 655–664). В выбранной Купаловской, соответственно: Алфавітная слоўнікавая частка энцыклапедычнага даведніка (с. 21–702), Летапіс жыцця і творчасці Янкі Купалы (с. 703–709), Асноўная літаратура пра жыццё і творчасць Янкі Купалы (с. 710–712). При этом в российской ППЭ представлен Указатель статей (статьи в указателе объединены в тематические рубрики, что облегчает работу читателя с материалами книги), в белорусской — Указатель имен. Кроме того, в выбранной белорусской ППЭ нет словарных материалов (словаря рифм и частотного словаря языка поэта), содержащихся в российской.

Поскольку Купаловская энциклопедия создавалась с ориентацией на Лермонтовскую, типы статей, представленных в двух энциклопедиях, в целом совпадают. Это в определенной мере относится и к новейшим энциклопедическим изданиям по творчеству М.Ю. Лермонтова и Я. Купалы. С единственной оговоркой: если второе издание Купаловской ППЭ, вышедшее в 2017–2018 гг. под названием

«Янка Купала: энцыклапедыя: у 3-х т.», стало расширением (по общему объему и количеству энциклопедических статей) первого издания — «Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік» 1986 г., но с сохранением его макроструктуры, то новое энциклопедическое издание по творчеству Лермонтова, вышедшее в 2014 г. под названием «М.Ю. Лермонтов: энциклопедический словарь», является принципиально новым, по своим целям и структурной организации, энциклопедическим трудом, дополнившим «Лермонтовскую энциклопедию», исправившим замеченные в ней фактические неточности⁸.

Учитывая сказанное, мы сочли возможным представить для наглядности в таблице 1 количественные данные по типам статей, обнаруживаемым во всех четырех изданиях. В таблице использованы следующие сокращения: ППЭ1 Лермонтова — «Лермонтовская энциклопедия» (1981), ППЭ2 Лермонтова — «М.Ю. Лермонтов: энциклопедический словарь» (2014), ППЭ1 Купалы — «Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік» (1986), ППЭ2 Купалы — «Янка Купала: энцыклапедыя» (2017–2018).

При выборе типологически однородных и количественно сравнимых совокупностей статей из Лермонтовской и Купаловской энциклопедий необходимо учитывать то, насколько полно выбранные совокупности статей будут отражать особенности художественных миров российского и белорусского поэтов. На наш взгляд, особое внимание стоит уделить сравнительному анализу содержания тех энциклопедических статей, которые посвящены описанию различных литературных произведений (стихотворений, поэм, переводов текстов зарубежных поэтов и т. д.) двух авторов (в таблице это второй тип статей). В разделе «К читателю» «Лермонтовской энциклопедии» говорится, в частности, следующее: «Основная масса материала в ЛЭ посвящена творчеству Лермонтова <...> Каждое произведение Лермонтова более или менее подробно освещается в отдельной статье или краткой заметке. Разумеется, объем этих статей не может быть одинаков — он определяется значимостью того или иного произведения. При этом редакция

⁸ См.: «Цели книги заключались в создании наиболее полного на сегодняшний день собрания сведений о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова, в уточнении деталей творческой биографии поэта, в значительном расширении историко-культурного контекста лермонтовских произведений, в привлечении для анализа трудов богословов и светских религиозных мыслителей, во введении в научный оборот малоизвестных публикаций из периодики лермонтовского времени, а также архивных материалов. В задачу исследования входило также обобщение методологического опыта теоретико- и историко-литературных исследований, не вошедших в “Лермонтовскую энциклопедию” и связанных с осмыслением духовных основ художественного наследия поэта, а также представление обновленной концепции творчества М.Ю. Лермонтова» (Киселёва 2014).

Не углубляясь в особенности макроструктуры издания, назовем некоторые ее разделы: Парус одинокий. Личность и судьба М.Ю. Лермонтова; М.Ю. Лермонтов в русской критике и литературоведении; Проблемы изучения жизни и творчества; Культурные связи и влияния; Дополнительные материалы (Маршруты М.Ю. Лермонтова; Синхронистические таблицы; Генеалогия М.Ю. Лермонтова и др.).

Относительно микроструктуры словаря следует сказать, что здесь новизна «проявилась в размещении статей концептуального характера, связанных с осмыслением таких понятий, как “добро”, “любовь”, “свобода”, “совесть”, “совершенство”, “свет” и т. д., которые занимают в художественном мире М.Ю. Лермонтова ведущие смысловые позиции» (Там же).

Таблица 1

№	Типы статей / ППЭ	ППЭ1	ППЭ2	ППЭ1	ППЭ2
		Лермонтова	Лермонтова	Купалы	Купалы
1.	Статьи-персоналии	804	705	1336	1608
2.	Статьи о литературных произведениях	547	565	939	987
3.	Статьи о циклах стихотворений поэта	3	3	10	10
4.	Статьи о литературных персонажах	50	43	49	49
5.	Статьи о переводах поэтом произведений других авторов с иностранных языков	8	11	86	96
6.	Статьи по лермонтоведению, купаловедению	83	100	115	106
7.	Статьи о литературных и иных (исторических, лингвистических, мифологических, типографских, фольклорных) терминах и понятиях	31	39	136	137
8.	Статьи о журналах, в которых печатался поэт	12	14	38	44
9.	Статьи о газетах, в которых печатался поэт	2	2	53	54
10.	Статьи об официальных (государственных, культурных, научных, учебных и прочих) учреждениях и организациях	7	11	73	74
11.	Статьи о городах и сёлах, в которых жил или бывал поэт	49	18	185	186
12.	Статьи о географических названиях памятных для поэта мест	46	9	8	11
	Общее количество статей в ППЭ	1593	1520	3095	3507

стремилась даже юношеским и незрелым лермонтовским стихам и поэмам дать по возможности содержательную оценку, указав на связь отдельных мотивов, наметившихся уже в ранние годы, с творчеством Лермонтова в целом» (К читателю 1981: 5). Не случайно тематические рубрики этой энциклопедии, объединяющие словарные статьи (см. Указатель статей), выстроены таким образом: I. Произведения. II. Теория. Поэтика. Проблемы мировоззрения. III. Биография. IV. Окружение и т. д.⁹

⁹ Ср. польскую ППЭ «Mickiewicz: Encyklopedia» (2001), где среди представленных трех основных индексов энциклопедических статей первую позицию занимает именно индекс описываемых в данной ППЭ произведений поэта: «1. Indeks utworow Adama Mickiewicza; 2. Indeks nazw geograficznych; 3. Indeks osob» (Rymkiewicz, Siwicka, Witkowska, Zielinska 2001: 635–672).

Всего же в составе Лермонтовской энциклопедии, по нашим подсчетам, представлено 547 статей, посвященных описанию формальных и содержательных характеристик литературных произведений поэта, а в Энциклопедическом словаре Лермонтова — 565 таких статей. В энциклопедическом справочнике «Янка Купала» количество статей данного типа составляет 939 названий, а в расширенном, трехтомном переиздании Купаловской энциклопедии — 987 статей о литературных и публицистических произведениях поэта. Существенные различия по количеству статей о литературных произведениях в сравниваемых ППЭ объясняются, конечно, преждевременным уходом Лермонтова, не реализовавшего в полной мере свой творческий потенциал. Следует учитывать также свидетельство купаловеда О.А. Лойко о том, что [перевод на русский язык сделан нами. — *Л. Ш., В. Ш.*] «писал Янка Купала быстро и помногу: им написано более 1000 лирических стихотворений, 16 поэм, 4 пьесы, около 150 публицистических статей» (Лойка 1986с: 12).

Что же касается совокупностей статей-персоналий (в таблице это первый тип статей), которых больше всего в сравниваемых энциклопедиях, то, несмотря на их количественное доминирование в российских и белорусских ППЭ, это всего лишь дань литературной традиции и попытка составителей ППЭ использовать уже готовую информацию о лицах, каким-либо образом связанных с М.Ю. Лермонтовым и Я. Купалой, собранную в многотомных общелитературных энциклопедиях. Как справедливо заметил рецензент «Шолоховской энциклопедии» (2012) П. Глушаков, «в статьях, посвященных персоналиям, наблюдается неоправданное дублирование библиографического и даже цитатного материала» (Глушаков 2014: 389). В результате дублирования содержания статей-персоналий из многотомных общелитературных энциклопедий в ППЭ отражается не столько индивидуально-художественный мир писателя (поэта), сколько степень разработанности литературно-энциклопедической традиции в той или иной стране. Во всяком случае, отнюдь не случайно редакция «Лермонтовской энциклопедии» ввела такое ограничение: «Отбор материала в ЛЭ целиком определяется стремлением осветить факты и события строго в их отношении к Лермонтову, его жизни и творчеству. Исключены сведения общего характера, которые можно найти в известных справочниках и специальных изданиях. Это относится и к обзорным, и к персональным статьям» (К читателю 1981: 6).

Уже предварительный анализ типологически однородных и количественно сравнимых совокупностей энциклопедических статей, посвященных литературным произведениям Лермонтова и Купалы, обнаружил большой потенциал этих статей в отражении разных частей, разных составляющих индивидуально-художественного мира каждого из двух авторов. См., в этой связи, замечание Л.Г. Самогик по поводу структурной организации энциклопедического словаря-справочника «Все произведения В.П. Астафьева (1951–1969)»: «основная часть — статьи об отдельных произведениях», рубрикация же «может включать в себя сведения о композиции, сюжете и хронотопе (художественном времени и пространстве), героях и т. п.» (Самогик 2018: 192–193). В контексте нашего исследования сказанное

целесообразно связать с представлением о «возможных мирах», его соотносённости с художественным миром писателя и сравнить на этом фоне литературных персонажей Лермонтова и Купалы как ключевых субъектов художественных картин мира этих поэтов.

VI. Типология «возможных миров» и место в ней художественного мира писателя

В последние десятилетия среди представителей самых разных научных дисциплин и сфер специальных знаний всё большую популярность приобретает идея о параллельном существовании целого ряда различающихся между собой «миров». К примеру, в содержании третьего издания американского справочника «The New York Public Library Desk Reference» (1998) выделяются такие разделы, как [перевод на русский язык названий разделов сделан нами. — Л. Ш., В. Щ.]: «I. Физический мир» (в данный раздел включена глава «3. Биологический мир»); «II. Мир идей»; «VI. Политический мир» (Desk Reference 1998: V–XIV). В свою очередь, в книге российского исследователя А.Г. Теслинова «Концептуальное проектирование сложных решений» (2009) приводится следующая классификация «возможных миров», которые, по мнению автора, можно рассматривать в качестве объектов исследования:

«...основными родами объектов исследования выступают:

- материальный мир, мир “вещей”, который мы можем наблюдать;
- мир идей — абстракции, образы, представления и всё прочее, что способно порождать наше сознание; психический мир этот постигается лишь посредством выражения его различными средствами;
- социальный мир — бездна отношений, выстраиваемых людьми в коллективном бытии, постигаемых не столько наблюдением, сколько непосредственным проживанием;
- мир знаков как свидетельств первых трех миров, независимо от того, вещи они или что другое. <...> Это всё то, что указывает нам на исследуемую реальность. Эти различия полезно знать хотя бы для того, чтобы, приступая к концептодеятельности, быть готовым к особым способам работы с разными “отрезками” реальности, с разными мирами данностей» (Теслинов 2009: 30–31).

Анализ двух подходов (американского и российского) к выделению «возможных миров» показывает, что в основном они совпадают. Так, «физическому миру» из американского справочника соответствует «материальный мир» в книге А.Г. Теслинова; «мир идей» представлен в обоих сравниваемых изданиях; с «политическим миром» из американского справочника во многом соотносится «социальный мир» в российском издании; наконец, представленному в книге А.Г. Теслинова «миру знаков» соответствует глава «12. Символы и знаки», которая в американском справочнике включена в раздел «III. Способ, посредством которого мы общаемся». Если же соотнести с выделяемыми выше четырьмя «возможными мирами» уже существующие дисциплинарные классификации, то достаточно очевидным является то, что материальный (физический) мир

изучается естественными и техническими науками, мир идей — точными и гуманитарными науками, политический (социальный) мир — социальными науками, а мир знаков — различными направлениями такой междисциплинарной науки, как семиотика (более подробно об указанных выше «возможных мирах» — см. (Щербин 2021: 4–31)).

В последние годы исследователями описаны новые разновидности «возможных миров»: *гиперреальный мир*, или *мир моделей и симулякров* (выделен Ж. Бодрийяром); *культурные миры* (Губман 2014: 341–348); *виртуальные миры* (Скоропанова 2002: 132–134; Потапова 2005: 318–364); *внешний и внутренний миры* (Лебедев 2008: 181); *мыслящие миры* (Лотман 2000: 149–390); *шизофренические, психозоподобные и психотические миры* (Руднев 2007: 509) и др. На данный момент наиболее подробно тему «возможных миров», на наш взгляд, раскрывает польский писатель С. Лем (Лем 2019: 347–437).

Естественно задаться вопросом, какое место занимает художественный мир писателя в этом необъятном множестве «возможных миров»? Как он соотносится с иными «возможными мирами»? И как структурируется этот художественный мир писателя? Ответы на эти и подобные им вопросы можно найти на страницах проанализированных нами российских и белорусских энциклопедических изданий. Вот что говорит о замысле создания «Онегинской энциклопедии» ее редактор и составитель Н.И. Михайлова: «“Онегинская энциклопедия” объединяет в общем алфавите три словаря. Словарь имен собственных, упомянутых в “Евгении Онегине” — от Авроры, Альбани, Апулея до Цицерона, Ювенала, Языкова (более двухсот тридцати имен), — составляют статьи, посвященные философам, писателям, художникам, композиторам, актерам, персонажам античной, новой европейской и русской литературы, а также главным и второстепенным героям пушкинского романа. В словаре реалий представлены названные Пушкиным события, ушедшие из нашего быта предметы, требующие пояснения понятия, термины, устаревшие слова. И еще один словарь — словарь мотивов, в котором предпринята попытка раскрыть некоторые философские, нравственные и эстетические категории, существенные для понимания пушкинского текста» (Михайлова 1999).

Достаточно очевидным фактом является то, что мир (словарь) реалий не создается, а только описывается писателем (поэтом). Исключение составляют только «реалии», конструируемые писателями-фантастами (см., к примеру, упоминавшуюся выше энциклопедию «Миры братьев Стругацких»). То же самое можно сказать о мире (словаре) мотивов, которые в явном виде выделяются исследователями уже на материале готовых художественных текстов, но часто при этом не осознаются авторами этих текстов в процессе их создания. Наконец, что касается мира (словаря) имен, то его применительно к сравниваемым ППЭ можно условно разделить на две части: а) лица, каким-либо образом связанные с изучаемыми писателями (их ближайшее окружение, «знаковые фигуры» их эпохи, все без исключения исследователи их творчества, часто живущие и творящие намного позже эпохи изучаемого ими писателя и которые в силу этого никак

не могут быть субъектами его художественного мира, и т. п.); б) литературные персонажи, созданные талантом писателя и составляющие, на наш взгляд, актантное (персонажное) ядро его художественного мира.

Еще дальше пошел в процессе детализации мира литературного произведения Р. Барт, который, по мнению И.П. Ильина, «в любом художественном произведении выделял пять кодов (культурный, герменевтический, символический, семический и проайретический, или нарративный)» (Барт 1989: 40). Как теоретик постструктурализма и предшественник постмодернизма, Барт в своей концепции «кода» отошел от логической строгости и выверенности структуралистского понятийного аппарата, что затем было подхвачено его многочисленными постмодернистскими последователями: «Слово “код” не должно здесь пониматься в строгом, научном значении термина. Мы называем кодами просто ассоциативные поля, сверхтекстовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре; код, как мы его понимаем, принадлежит главным образом к сфере культуры; коды — это определенные типы уже виденного, уже читанного, уже деланного; код есть конкретная форма этого “уже”, конституирующего всякое письмо» (Там же: 455–456). Любое повествование, по Барту, существует в переплетении различных кодов, их постоянной «перебивке» друг другом, что и порождает «читательское нетерпение» в попытке постичь вечно ускользающие нюансировки смысла.

Голландский критик Д. Фоккема отмечает, что код постмодернизма «является всего лишь одним из многих кодов, регулирующих производство текста. Другие коды, на которые ориентируются писатели, — это, прежде всего, лингвистический код (естественного языка — английского, французского и т. д.), общелитературный код, побуждающий читателя прочитывать литературные тексты как тексты, обладающие высокой степенью когерентности, жанровый код, активизирующий у реципиента определенные ожидания, связанные с выбором жанра, и идиолект писателя, который в той мере, в какой он выделяется на основе рекуррентных признаков, также может считаться особым кодом» (Ильин 2004: 117).

Из всех перечисленных выше «возможных миров» и кодов при изучении российских и белорусских ППЭ нас в наибольшей мере интересовали идиолекты изучаемых поэтов и те части их художественных миров, которые отражены в их литературных произведениях и описываются в посвященных им ППЭ. В наибольшей мере этим требованиям соответствовали энциклопедические статьи в составе Лермонтовской и Купаловской ППЭ, в которых описываются литературные персонажи, созданные творческим воображением этих поэтов и являющиеся ключевыми актантами их художественных миров.

В пользу вывода о весьма значимой роли, которую играют литературные персонажи в индивидуально-художественном мире писателя (поэта), свидетельствует не только высокая степень их соотносительности с максимально широким спектром «возможных миров», но и получение отдельными литературными персонажами статуса любимых героев того или иного автора, или, наоборот, статуса негативных героев. Вот что, к примеру, пишет Л.Г. Самогик о любимых

героях В.П. Астафьева: «В этот период [1951–1969 гг. — Л. Ш., В. Ш.] формируются основные типы героев: любимые герои — бакенщики <...>, охотники <...>, таежник-отшельник; <...> большая часть действующих лиц — возрастные герои: дедушка, бабушка, среди героев также — внук, внучка» (Самотик 2018: 191).

Не случайно в рамках российской писательской энциклопедистики уже изданы и специализированные энциклопедии литературных героев:

Большая энциклопедия литературных героев: в 4 т. / Под ред. Н. Трауберг. Москва, 2001;

Энциклопедия литературных героев: Русская литература XVII — первой половины XIX века. Москва, 2001.

См. также упоминавшиеся энциклопедии, посвященные персонажам Чехова и Достоевского.

Учитывая сказанное, следует отметить типологически значимые различия между Лермонтовской и Купаловской энциклопедиями по составу статей, посвященных литературным персонажам (хотя количественно совокупности таких статей у двух авторов практически совпадают — см. в таблице 1 четвертый тип статей). Обратим сначала внимание на то, что Купаловская энциклопедия часто фиксирует в качестве литературных персонажей представителей простого белорусского народа:

- «**АРАТЫ**», верш Купалы. Датуецца 1908. Аўтар стварае праніклівы вобраз сяліна-аратага, які сваёй невыносна цяжкай працай корміць увесь свет, а сам есць “без хлеба // Лебяду, асот”. <...> Купала сцвярджае сябе ў гэтым творы як сапраўдны народны паэт, блізкі да свайго героя» (Гніламёдаў 1986: 44–45);

- **БАНДАРОЎНА**, гераіня аднайменнай паэмы Купалы. Вобраз ідэалізаваны, паддзены як сімвал дзявочай прыгажосці, высокай чалавечай годнасці, свабодалюбства і непакоры пану-крыўдзіцелю. <...> Бандароўна не прымае заляцанняў гулякі-пана Канёўскага. За гэта пан помсціць ёй. <...> Яна гіне, застаючыся вернай маралі бацькоў, духоўна перамагаючы пана-спакусніка, сцвярджаючы свабодалюбства як першааснову сваёй сутнасці» (Лойка 1986а: 63).

К этой же группе литературных персонажей купаловских произведений относятся: Адольф Быкоўскі, Агата, Лявон і Марыля Зяблікавы, Зоська Зяблікава, Аленка, Данілка і Юрка Зяблікавы, Сымон Зяблік, Альжбета Крыніцкая, Сцяпан Крыніцкі, Паўлінка, Пустарэвіч, настаўнік Якім Сарока и др.

Кроме того, в произведениях Я. Купалы, а соответственно, и в Купаловской энциклопедии, в качестве персонажей нередко фигурируют мифологические образы из белорусского фольклора: Бай, Вадзянік, Ваўкалак, Градавіца, Грамавіца, Ліха-Нядоля, Лясун, Папараць-кветка, Пярун, Русалка, Хохлік, Чарнабог и др.

Намного реже в выбранной для сравнения Купаловской ППЭ литературные персонажи предстают как символические фигуры:

- **ГУСЛЯР**, галоўны вобраз паэмы Купалы “Курган”. Станоўчы герой, увасябленне ідэалу вернасці народнага песняра народу і справе бескампраміснай абароны яго інтарэсаў, самаахвярнасці ў сцвярджэнні ўласных перакананняў, а таксама ўвасябленне адной з кардынальных праблем усёй дарэвалюцыйнай творчасці Купалы — мастак і “ўладары свету”, мастак і тыран...” (Лойка 1986b: 178).

Добавим, что в статье, посвященной поэме Я. Купалы «Курган», ставится знак равенства между образом *Гусяра* и образом *Художника, Поэта*:

• «**“КУРГАН”**, паэма-балада Купалы. Закончана 23.5.1910 у Пецярбургу. <...> Гэта класічны ўзор нацыянальнай героіка-рамантычнай паэмы. У ёй раскрываецца тэма лёсу мастака ў класавым грамадстве. Сюжэт нескладаны. На выселле дачкі князь кліча мясцовага *Гусяра*, патрабуючы ад яго песень у сваю хвалу і на пацеху вяльможным гасцям. Ён папярэджвае музыку, што пакарае смерцю, калі той не выканае загаду. Але замест пахвалы князю з вуснаў Гусяра гучыць суровая праўда пра бязлітаснасць і чужасць князя народу, цяжкі паднявольны лёс падданных князя. За непакору і непаслухмянасць князь загадвае закапаць Гусяра жывым разам з гусямі. Гусяр гіне, але памяць аб ім у народзе вечная, як той курган, што як сімвал народнай памяці ўзнёсся над магілай народнага заступніка. Жыве гэта памяць, сцвярджае паэт, і вечна будзе жыць у легендах-пераказах аб кургане. Ідэя паэмы вельмі празрыстая: народнай памяці варты толькі той мастак, які аддае справе народа і свае песні, і сваё жыццё; сапраўднае мастацтва толькі тое, што служыць народу; у службе народнай праўдзе — веліч і прызначанне мастака» (Пяткевіч 1986: 325).

К числу символических фигур купаловских произведений относятся и такие литературные персонажи (именования некоторых из них — как вынесенные в названия произведений — даны в кавычках): «Беларус», «Благая жонка», «Брат у чужыне», «Гарыслава», «Грабар», «Грабежнік», «Згнаннік», Машэка, Мужык, «Прарок», «Праступнік», Сам и др.

В Лермонтовской энциклопедии литературные герои могут быть отнесены, с некоторой долей условности, к двум группам: 1) представители разных слоев российского общества того времени: Арбенин, Бэла, Грушницкий, Звездич, Казарин, Казбич, «Княгиня Лиговская», купец Калашников, художник Лугин (повесть «Штосс»), Максим Максимыч, княжна Мери, Нина, Печорин, «Сашка», «Тамбовская казначейша», баронесса Штраль, Шприх и др.; 2) символические фигуры, или фигуры, персонифицирующие определенные идеи: «Беглец», «Герой нашего времени», герой-разбойник (стихотворение «Атаман»), «Гость», «Гусар», «Демон», «Жена Севера», «Кавказец», «Кавказский пленник», «Корсар», «Литвинка», «Морская царевна», «Мцыри», «Наполеон», «Пленный рыцарь», «Поэт», «Преступник», «Пророк», «Сосед», «Соседка», «Станный человек», «Тамара», «Узник», «Черкешенка» и др.¹⁰

В Лермонтовской энциклопедии обычно предстают именно созданные М.Ю. Лермонтовым литературные персонажи, приобретшие символический статус. См., например, фрагменты из статей «Беглец», «Демон», «Пророк»:

• «**“БЕГЛЕЦ”**, последняя из кавк. поэм Л. (1837–38); <...> В основу поэмы положен эпизод, рисующий бегство воина с поля битвы и последующее отвержение беглеца народом. <...> Построенная на кавк. материале, поэма затрагивает — подобно “Думе” и “Мцыри” — существенные для творчества Л. 2-й пол. 30-х гг. социально-этич. проблемы. Заклеймив трусость, отступничество и предательство, поэт напоминал о мужестве, о гражд. долге.

¹⁰ См. в этой связи статью «Символ» в Лермонтовской ППЭ 2014 г. Рассматривая разные виды символов у Лермонтова, автор статьи А.А. Смирнов говорит, в частности, о герое стихотворения «Пленный рыцарь», являющем собой не обычного человека, а существо, персонифицирующее саму идею рыцарства.

Автор судит Гаруна отнюдь не с позиции патриарх. кодекса кавк. племен; суд над беглецом вершится с т. з. высоких нравств. идеалов. Мотив кровной мести, не раз привлекавший Л., получает, т. о., принципиально новую интерпретацию <...> поэма сочетает в себе романтич. начало (взволнованная приподнятость тона, элементы «аллюзионности» и символики) с реалистическим (историзм, психол. достоверность в изображении гл. героя, тщательная фиксация его душевного состояния)» (Заславский 1981: 51).

• «**ДЕМОН**», поэма, одно из центральных произв. Л., к работе над к-рым поэт возвращался в течение почти всей творч. жизни (1829–39). Основана на библейском мифе о падшем ангеле, восставшем против бога. К этому образу, олицетворяющему “дух отрицания”, обращались многие европ. писатели <...>, а также А.С. Пушкин в стихотв. наброске “Мое беспечное незнание”, в стих. “Демон” и “Ангел”. Однако Л. вполне оригинален и в разработке сюжета, и в трактовке главного образа, к-рый как бы совмещает человеческие искания Фауста с мефистофельским отрицающим началом и с мятежностью героев Мильтона и Байрона. В основе сюжета — стремление духа отрицания и зла к добру, красоте и гармонии. Любовь Демона к Тамаре символизирует это стремление, а конечная катастрофа означает недостижимость его “безумной мечты” о приобщении к добру, о преодолении одиночества, единении с миром. <...> Несмотря на простоту фабулы, поэма заключает в себе сложное переплетение идейно-символич. мотивов и неоднозначна для восприятия» (Найдич 1981: 130–131).

• «**ПРОРОК**», одно из последних и наиболее значит. стих. Л. (1841), завершающее в его творчестве тему поэта. Метафорич. изображение поэта-гражданина в образе пророка характерно для декабрист. поэзии (Ф.Н. Глинка, В.К. Кюхельбекер). Та же метафора (но в философски обобщенном плане) развертывается в одном стих. А.С. Пушкина, полемич. ответом на к-рое в известной мере явилось стих. Л. <...> У Л. тема поэта — это всегда тема “поэт и общество”, тема активных и часто враждебных взаимоотношений творч. личности с окружающей средой (см. “Смерть поэта”). Гонимый пророк — устойчивый образ в лирике Л. (ср. “осмеянный пророк” в стих. “Поэт” <...>). <...> “Пророк” — одна из вершин лермонт. лирики. Каждая фраза стих. опирается на библейское сказание (см. Библейские мотивы) и одновременно имеет острый злободневный смысл, поэтически точно, конкретна и вместе с тем символически многозначна» (Миллер 1981: 449–450)¹¹.

В данной работе важно отметить, что символические литературные персонажи, созданные М.Ю. Лермонтовым, были творчески усвоены Я. Купалой. Вполне обоснованным, на наш взгляд, является вывод О.А. Лойко о влиянии русской поэзии на эволюцию эстетических взглядов Купалы как поэта [перевод на русский язык сделан нами. — Л. Ш., В. Ш.]: «Увлечение русской поэзией пришло к Янке Купале постепенно и было многоступенным: от Н. Некрасова и демократических поэтов крестьянской темы А. Кольцова, И. Никитина, И. Сурикова к М. Лермонтову и А. Пушкину. И это было закономерно для эволюции эстетических взглядов Купалы-поэта, который вначале адресовался преимущественно к крестьянину, развивал мотивы крестьянской жизни, а потом выходил на решение

¹¹ О том, насколько значимым явлением в русской литературе XIX в. были созданные М.Ю. Лермонтовым разные по своей природе литературные персонажи, можно судить по содержанию статьи «Лермонтовский человек» в составе ППЭ Лермонтова 2014 г. (автор статьи Т.С. Милованова).

широких идейно-художественных задач — утверждение классических романтических и реалистических основ в родной поэзии. Если ему вначале импонировала некрасовская школа русской поэзии, то после идеалом для него был Лермонтов, а потом стал Пушкин» (Лойка 1986с: 11)¹².

VII. Заключение

Рассмотрение российского и белорусского корпусов персональных писательских энциклопедий в сравнительном аспекте позволило выявить как существенную близость содержания двух национальных литературно-энциклопедических традиций, в рамках которых создавались ППЭ из состава указанных корпусов, так и отдельные формальные и содержательные отличия между сравниваемыми корпусами ППЭ, обусловленные рядом объективных причин.

Представленность в составе российского корпуса ППЭ 40-а названий энциклопедических трудов позволяет создать на их основе типологическую и жанровую классификации российских ППЭ. Типологическая классификация включает тип полной, универсальной ППЭ и тип неполной ППЭ. Неполные ППЭ объединяют в себе такие жанры:

- регионально-краеведческие ППЭ;
- ППЭ о литературных произведениях автора;
- ППЭ о героях произведений автора;
- ППЭ о персоналиях, связанных с автором;
- ППЭ в виде кратких энциклопедических изданий;
- учебные ППЭ.

В то же время представленность в составе белорусского корпуса ППЭ только 7-ми энциклопедических изданий (это 4 оригинальные ППЭ и 3 их переиздания) ограничивает их классификацию двумя основными типами ППЭ:

- ППЭ полного, универсального типа;
- ППЭ неполного типа в виде кратких энциклопедических изданий.

Выявленные формальные и содержательные отличия между российским и белорусским корпусами ППЭ делают типологически некорректным проведение полносистемного сравнительного анализа указанных корпусов ППЭ. Для достижения необходимой степени типологической корректности нами были выделены наиболее сопоставимые части этих корпусов:

а) сравнимые по объему, типу и другим макроструктурным параметрам отдельные российские и белорусские ППЭ — «Лермонтовская энциклопедия» и «Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік»;

б) типологически однородные и количественно сравнимые совокупности энциклопедических статей из «Лермонтовской энциклопедии» и энциклопе-

¹² В статье «Пророк» из Лермонтовской энциклопедии отмечается, в частности: «Под влиянием „Пророка“ написаны стих. Т.Г. Шевченко „Тризна“, одним. стих. Г. Тукая, Я. Купалы <...> и др.» (Миллер 1981: 450).

дического справочника «Янка Купала», посвященные описанию формальных и содержательных характеристик литературных произведений двух национальных поэтов — М.Ю. Лермонтова и Я. Купалы;

в) совокупности литературных персонажей М.Ю. Лермонтова и Я. Купалы.

Полученные к настоящему моменту результаты создают необходимую теоретико-методологическую и фактологическую основу для: а) проведения расширенного типологически корректного сравнительного анализа наиболее сопоставимых частей российских и белорусских ППЭ; б) выявления и описания на этой основе особенностей художественных миров отдельных российских и белорусских писателей.

ЛИТЕРАТУРА

Барт 1989: Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва, 1989.

Барт 2003: Барт Р. Предисловие к «Словарию Ашетт» // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Перевод с франц. Москва, 2003, 500–503.

Богатова 2011: Г.А. Богатова о словарях как явлении культуры и социальной жизни // Отечественные лексикографы XVIII–XX вв. / Под ред. Г.А. Богатовой. 2-е изд. Москва, 2011, 538–540.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург, 1998.

Глушаков 2014: Глушаков П. Рец. на кн.: Шолоховская энциклопедия / Гл. ред. Ю.А. Дворяшин. М.: СИНЕРГИЯ, 2012. 1216 с. // Вопросы литературы. 2014. № 2, 388–391.

Гніламёдаў 1986: Гніламёдаў У.В. «Араты» // Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік. Мінск, 1986, 44–45.

Губман 2014: Губман Б.Л. Философский универсализм и вызов многообразия культурных миров // Гуманитарное знание и вызовы времени / Отв. ред. и сост. С.Я. Левит. Москва; Санкт-Петербург, 2014, 341–348.

Заславский 1981: Заславский И.Я. «Беглец» // Лермонтовская энциклопедия. Москва, 1981, 51–52.

Ильин 2004: Ильин И.П. Двойной код // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. Москва, 2004, 117–118.

Елистратов 2018: Елистратов В.С. Словарь языка И.С. Тургенева. Москва, 2018.

Караулов 1994: Караулов Ю.Н. Новый взгляд на возможности писательской лексикографии // Ломоносовские чтения 1994 / Под ред. М.Л. Ремневой. Москва, 1994, 11–25.

Киселёва 2014: Киселёва А.И. К читателю // М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь. Москва, 2014, 6.

К читателю 1981: К читателю // Лермонтовская энциклопедия. Москва, 1981, 5–7.

Лебедев 2008: Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). Москва, 2008.

Лем 2019: Лем С. Глава седьмая: Сотворение миров // Лем С. Сумма технологии / Перевод с польск. Москва, 2019, 347–437.

Логош, Петров 2002: Логош О., Петров В. Словарь «Маятника Фуко» Умберто Эко. Санкт-Петербург, 2002.

Лойка 1986а: Лойка А.А. Бандароўна // Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік. Мінск, 1986, 63.

Лойка 1986б: Лойка А.А. Гусяр // Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік. Мінск, 1986, 178.

Лойка 1986с: Лойка А.А. Янка Купала (нарыс) // Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік. Мінск, 1986, 5–20.

Лотман 2000: Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург, 2000, 149–390.

Малофеева 2002: Малофеева Н.Н. Литературная персональная энциклопедия как разновидность литературной энциклопедии. Критерии редакторской оценки. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2002.

Мануильский 2016: Мануильский М.А. Мир человека в энциклопедическом формате // Человек. 2016. № 4, 74–85.

Мейлах 1982: Мейлах Б.С. Персональные энциклопедии: об итогах «Лермонтовской» и перспективе других // Вопросы литературы. 1982. № 9, 84–101.

Миллер 1981: Миллер О.В. «Пророк» // Лермонтовская энциклопедия. Москва, 1981, 449–450.

Михайлова 1999: Михайлова Н.И. К читателю // Онегинская энциклопедия: в 2 т. Т. 1. А–К / Под общ. ред. Н.И. Михайловой; сост. Михайлова Н.И., Кошелев В.А., Строганов М.В. Москва, 1999, 5.

Найдич 1981: Найдич Э.Э. «Демон» // Лермонтовская энциклопедия. Москва, 1981, 130–132.

Онегинская энциклопедия 1999: Онегинская энциклопедия: в 2-х т. / Под общей ред. Михайловой Н.И. Т. 1. Москва, 1999.

Потапова 2005: Потапова Р.К. Лингвистическая специфика виртуальной коммуникации (коммуникация в мировой информационной сети) // Потапова Р.К. Новые информационные технологии и лингвистика: Учебное пособие. 4-е изд. Москва, 2005, 318–364.

Пяткевіч 1986: Пяткевіч А.М. «Курган» // Янка Купала: Энциклапедычны даведнік. Мінск, 1986, 325–327.

Руднев 2007: Руднев В. Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы. Москва, 2007.

Самотик 2018: Самотик Л.Г. Об энциклопедическом словаре-справочнике «Все произведения В.П. Астафьева (1951–1969)» // Современные проблемы авторской лексикографии: Сборник научных статей / Под общ. ред. Л.Л. Шестаковой. Москва, 2018, 187–194.

Скоропанова 2002: Скоропанова И.С. Виртуальные миры // Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. Санкт-Петербург, 2001, 132–134.

Словарь Достоевского 2001: Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1 / Гл. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. Москва, 2001.

Теслинов 2009: Теслинов А.Г. Концептуальное проектирование сложных решений. Санкт-Петербург, 2009.

Трус 2012: Трус М.В. Энциклапедыя «Максім Багдановіч»: традыцыйныя і наватарскія падыходы пры падрыхтоўцы выдання // Труды БГТУ. Сер. История, философия, филология. 2012. № 5, 143–146.

Уэллс 2002: Уэллс Ст. Шекспировская энциклопедия / Перевод с англ. М., 2002.

Шенк, Бирнбаум, Мей 1989: Шенк Р., Бирнбаум Л., Мей Дж. К интеграции семантики и прагматики // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика / Перевод с англ.; сост. и ред. Б.Ю. Городецкого. Москва, 1989, 32–47.

Шестакова 2011: Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. Москва, 2011.

Шестакова, Щербин 2017: Шестакова Л.Л., Щербин В.К. «Словарь языка Пушкина» и «Слоўнік мовы Янкі Купалы»: опыт сравнительного анализа // Лексикология и лексикография славянских языков. Международный коллективный труд / Отв. ред. М.И. Чернышева. Москва, 2017, 151–185.

Щербин 2021: Щербин В.К. Методы семиотического моделирования лингвистических явлений (на материале языковых цепочек разных типов) // Материалы Всероссийской научной онлайн-конференции с международным участием «Лингвистическое моделирование в теории коммуникации» (г. Грозный, 15–17 января 2021 года). Грозный, 2021, 4–31.

Day 2019: Day D. An Encyclopedia of Tolkien: The History and Mythology That Inspired Tolkien's World. London, 2019.

Desk Reference 1998: The New York Public Library Desk Reference. Third Edition. VI. New York, 1998.

Kirstin 2002: Kirstin O. All Things Shakespeare: An Encyclopedia of Shakespeare's World. Westport, 2002.

Rogers 2006: Rogers Sh.L. All Things Chaucer: An Encyclopedia of Chaucer's World. 2 vols. Westport, 2006.

Rymkiewicz, Siwicka, Witkowska, Zielinska 2001: Rymkiewicz J.M., Siwicka D., Witkowska A., Zielinska M. Mickiewicz Encyklopedia. Warszawa, 2001.

Shakespeare's World 2001: Shakespeare's World and Work: An Encyclopedia for Students: in 3 volumes / Editor in Chief: John F. Andrews. New York, 2001.